

ПОПЫТКА ВВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА В ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ РИМСКО- КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЁЛА В 1905 Г. (НА ПРИМЕРЕ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Василий Васильевич Табунов

Доцент, кандидат исторических наук
Зав. аспирантурой Кафедры археологии
и вспомогательных исторических дисциплин
Могилевского государственного университета
им. А.А. Кулешова (Беларусь)
El. paštas: aspir.kuleshova@mail.ru

Преследуя одну из своих главных задач на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий – укрепление позиций православия в правящих кругах Российской империи при проведении политики деполонизации костёла в начале XX века вновь получила распространение идея о введении «местного наречия» в дополнительное римско-католическое богослужение (первая была предпринята в 60–70-х гг. XIX века – *В. Т.*). Дополнительный стимул этому придал указ от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий, одним из важнейших положений которого было разрешение перехода из православия в другие христианские вероисповедания. Вводя указ в действие власти, однако, не смогли просчитать его последствий. В результате начался многочисленный переход части населения белорусских земель из православия в католицизм. Только за 1905 г. в эту веру перешло более 30 тысяч человек [1, с. 129].

Сведения о численности перешедших из православия в католицизм у представителей власти и римско-католического духовенства несколько отличались. Так, согласно данным Виленской римско-католической епархии, за 1905–1909 гг. из православия в католицизм перешло 62 тысячи человек [2, с. 106]. При этом римско-католическое духовенство было убеждено, что переходы в костёл имели широкое распространение среди белорусского населения [3, л. 4 об.–8, 11 об.–33, 37 об.–38; 41 об.–44; 4, л. 69 об.–79; 5, л. 65 об.].

По официальным же данным, в Западном крае за 1905–1907 гг. в католичество перешла 171 тысяча человек [6, с. 29–31].

Расхождения в сведениях о численности перешедших из православия в католицизм у представителей религиозных организаций и органов власти были вызваны их несогласованными действиями в данной области. Римско-католическая

церковь придерживалась епископских указаний, а власти и православная церковь – распоряжений вышестоящего начальства. К тому же ксендзы в отличие от православного духовенства и чиновников всегда стремились более широко трактовать указ о религиозных свободах.

3 июля 1905 г. виленский генерал-губернатор поручил гродненскому губернатору произвести сбор данных о языках, имеющих распространение в уездах губернии, а также выяснить отношении местного населения к введению белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение [7, л. 1–1об.]. Губернатор, в свою очередь, вверил сбор сведений уездным предводителям дворянства.

Их сообщения с мест выявили расхождение мнений по поставленному перед ними вопросу – в зависимости от состава населения и исповедуемой им христианской религии (в первую очередь православия и католицизма – *В. Т.*), а также в немалой степени ещё и от личных взглядов и убеждений.

19 июля 1905 г. кобринский уездный предводитель дворянства сообщал о нецелесообразности введения местного языка в римско-католическое богослужение, поскольку в уезде было только два костёла, а католичество исповедовали «помещики-поляки и бывшая польская шляхта». Прочее население исповедовало православие [8, л. 4–4об.].

Брестский уездный предводитель дворянства в своём донесении от 20 июля 1905 г. полагал желательным введение только малороссийского языка во всех католических приходах уезда. По его

мнению, эта мера принесла бы «лишь пользу русскому делу», поскольку способствовала бы «отделению полонизма от католической веры» [9, л. 5–5об.].

Пружанский уездный предводитель дворянства 21 июля 1905 г. докладывал, что в уезде население преимущественно состоит из белорусов, «говорящих на местном наречии», но многие из них знают «поверхностно польский язык и в исключительных случаях говорят на нём». Введение в дополнительное римско-католическое богослужение «местного наречия», со своей стороны, он находил желательным «в виду преобладающего населения белоруссов» [10, л. 6–6об.].

Слонимский уездный предводитель дворянства 24 июля 1905 г. информировал, что во вверенном ему уезде поляки составляли меньшую часть католиков, а большую – крестьяне, «принадлежащие к белорусскому племени», чьим разговорным языком была «смесь русского и польского». Поскольку «белорусское наречие не имело своей письменности», то он находил, что вопрос о его введении в дополнительное римско-католическое богослужение «практического осуществления иметь не может» ввиду возможных «серьезных препятствий» со стороны «полякующих» – прежде всего крупных земельных собственников [11, л. 7–7об.].

Бельский уездный предводитель дворянства 28 июля 1905 г. информировал, что в уезде «не существует местных наречий, характерно отличающегося от основного разговорного языка населения, в состав которого входят

преимущественно поляки и малороссы и в незначительном отношении белорусы». Все католики говорили на польском языке, который они считали «своим родным и желали, чтобы дополнительное богослужение в костёле совершалось на нём». Православные разговаривали преимущественно на малороссийском языке. Ввиду такой ситуации он признавал введение белорусского языка в дополнительное католическое богослужение нецелесообразным [12, л. 8–8об.].

Волковысский уездный предводитель дворянства 29 июля 1905 г. сообщал, что на территории уезда «католические приходы образуются из двух элементов: интеллигенции, «изъясняющейся на польском языке», крестьян и мещан, «изъясняющихся на белорусском наречии», но всё население «привыкло к тому, чтобы дополнительное богослужение совершалось на польском языке». В связи с этим он полагал желательным «оставить дополнительное богослужение на польском языке» [13, л. 9].

21 августа 1905 г. сокольский уездный предводитель дворянства сообщал, что население уезда – «белорусы и местное наречие одно – белорусское». Исходя из этого, он полагал, что «введение в богослужение местного наречия можно рассматривать как национальную свободу на религиозной почве», которая должна быть «самой действенной мерой для религиозно-нравственного воспитания народа в духе христианства». Поэтому он находил настоятельно необходимым введение белорусского языка в богослужение «не только в костёлах,

но и в православных церквях». В деле подбора кадров, которые могли бы вести такое богослужение, по его мнению, не возникло бы вопросов, поскольку «ксендзы и священники происходят из местного белорусского населения» [14, л. 13–13об.–14].

Белостокский уездный предводитель дворянства 31 января 1906 г. доносил, что родным языком большей части населения уезда является белорусский, а население соседних с бывшим Царством Польским волостей говорит на «польско-мазурском наречии». Вместе с тем, отмечалось, что белорусское население, исповедующее католицизм, считает себя поляками. Для устранения этого заблуждения он предлагал использовать широкую просветительную деятельность, первое место в которой должно было быть отведено народной школе, «в программу которой входили бы белорусский язык и история края». Также намечалось распространение среди народа литературных произведений на белорусском языке, открытие русско-белорусских библиотек, издание печатного органа, «доступного и близкого простолудию», и т. д. По его мнению, все эти меры способствовали бы «переходу к чисто русскому языку и приближению белорусса к чисто русской культуре». Он высказывался за введение белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение. Кроме того, для «пополнения рядов католического духовенства местными элементами» и подготовки ксендзов к «совершению богослужения на местном языке» им предлагалось «учредить в духовных учебных заведениях

стипендии для воспитанников из среды белорусов» [15, л. 10–10об.–11].

Гродненский уездный предводитель дворянства 16 мая 1906 г., информируя губернатора о своей точке зрения относительно введения белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение, полагал, что «во время общего нестроения момент для распорядка костёла выбран неудачный» и может повлечь «за собой новые тяжёлые затруднения». Ситуация усугублялась тем, что понятия «поляк, католик – стали синонимами и разобраться в них местному белоруссу» трудно «раз он принуждён, прежде чем быть допущенным к стенкам конфессионала, выучить на польском языке необходимые молитвы; если ксёндз и местный пан с ним иначе не говорит, как по-польски; если ему ежечасно внушается, что он, исповедуя «польску вяру», должен быть поляком». К тому же это убеждение укреплялось и правительством, видевшим в местных католиках «лиц польского происхождения». В итоге эти обстоятельства привели к тому, что «веками воспитанный в данном направлении католик-белорус стал поляком. Говоря у себя дома на своём родном белорусском языке, он называл его «хлопским» языком. Причину же различия в «мове» он видел в разнице положения пана и хлопа. Но в костёле, перед Богом, все равны и белорусс молится по-пански. Выходя же из костёла, он уснащал родной язык тяжеловесными полонизмами, прибегая к ним из желания щегольнуть и приблизится к шляхетскому говору» [16, л. 25об.–26]. Исходя из вышесказанного он считал замену

польского языка белорусским в дополнительном римско-католическом богослужении «совершенно справедливым и желательным» действием, но выполнение этой меры «было бы возможным только при твёрдой последовательной окраинной политике», которой «до сих пор не существовало, а всё зависело от личных взглядов быстро сменяющихся администраторов». Условия в уезде он находил благоприятными для распорядка костёла «из-за почти сплошного белорусского населения» [17, л. 26об.–27].

На основании представленной из уездов в губернскую канцелярию сведений её работниками была составлена таблица, данные которой содержали информацию о соотношении национальных групп населения Гродненской губернии, а также о численности в ней лиц римско-католического вероисповедания [18, л. 39] (см. таблицу).

Как видно из таблицы, польское население преобладало в двух уездах – Бельском и Белостокском. В этих же уездах и ещё в Сокольском было сосредоточено большинство населения, исповедующего римо-католицизм.

Проанализировав представленную информацию, гродненский губернатор, докладывая виленскому генерал-губернатору о перспективах введения белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение на территории губернии, полагал возможным сделать это «почти во всех приходах, кроме Друскеникского Гродненского уезда и Ясиновского Белостокского уезда, где проживали литовцы и пограничных с Польшею Сокольском,

Уезды Гродненской губернии	Общее количество римо-католиков	Русские		Поляки		Литовцы, латыши		Прочие народности	
		Общее количество	%	Общее количество	%	Общее количество	%	Общее количество	%
Пружанский	10 443	8 684	83,2	1 676	16,1	39	0,3	44	0,4
Гродненский	47 099	39 777	84,5	4 446	9,4	2 922	6	54	0,1
Слонимский	22 071	19 266	87,3	2 511	11,4	243	1,1	51	0,2
Волковысский	41 489	38 754	93,4	2 627	6,3	16	0,02	92	0,2
Сокольский	67 917	67 321	99,1	472	0,7	66	0,09	58	0,08
Бельский	56 094	9 551	10,6	50 090	89,3	1	–	52	0,9
Кобринский	4 576	1 026	22,4	3 522	77	6	0,01	22	0,5
Белостокский	81 640	26 300	32,4	54 498	67,2	41	0,05	301	0,3

Белостокском и Бельском уездах, где должен быть оставлен в богослужении польский язык». В целом же губернатор полагал, что «введение белорусского языка в дополнительное богослужение костёла среди местного католического белорусского населения не найдёт должного сочувствия до тех пор, пока рационально поставленная школа не рассеет заблуждений отождествления понятий католик и поляк». Эта мера могла бы быть проведена в жизнь «при полном успокоении и введении общей государственной жизни в нормальное русло» [19, л. 47об.–48–48об.].

Глава гродненской гражданской администрации находил вопрос о введении белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение с одной стороны желательным в большинстве местностей, а с другой – преждевременным, опасаясь, что это может усугубить и без того сложную внутривластную обстановку в крае, тем более во время

революционных событий 1905–1907 гг. Его мнение, а также мнения других губернаторов Северо-Западного края, были учтены в Петербурге при принятии решения о дальнейшей политике в данном вопросе. В итоге попытка введения белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение в начале XX столетия потерпела неудачу. Ни светские, ни церковные власти не пошли на решительные действия в этом направлении: «одни видели в нём (введении белорусского языка в костёл – В. Т.) средство для борьбы с польским влиянием, другие – ненужность и даже опасность» [20, с. 99]. Власти пришли к выводу, что пропаганда польского влияния может вестись на каком угодно языке, а перевод службы на местный язык, с их точки зрения, только способствовал бы распространению влияния католицизма. В связи с этим вопрос о введении «местного наречия» в дополнительное католическое богослужение был отложен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусы / Ін-т матацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклёру Нац. акад. навук Беларусі. Мінск: Беларус. навука, 2002. Т. 6: Грамадскія традыцыі. 606 с.
2. Яноўская В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. Мінск: БДУ, 2002. 199 с.
3. Экстракты из книг Витебского деканата о лицах, перешедших в католичество за 1905 г. 1906 г. // Национальный исторический архив Беларуси. Фонд 1781. Могилёвская римско-католическая консистория. Оп. 26. Д. 1187.
4. Выписки из книги о лицах, перешедших в католичество по Минской губернии за 1905 г. 1905 г. // Национальный исторический архив Беларуси. Фонд 1781. Могилёвская римско-католическая консистория. Оп. 26. Д. 1188.
5. Книга о лицах, перешедших в католичество по Несвижскому приходу Слуцкого уезда Минской губернии за 1905–1906 гг. 1907 г. // Национальный исторический архив Беларуси. Фонд 1781. Могилёвская римско-католическая консистория. Оп. 26. Д. 1189.
6. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб.: Синод. тип., 1910. 304 с.
7. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
8. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
9. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
10. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
11. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
12. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
13. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
14. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
15. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
16. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
17. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
18. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.
19. Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению

распространения полонизма 1905–1906 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. Оп. 18. Д. 1031.

21. Владимиров А. П. История расположения Западно-русского костёла. М.: Унив. тип., 1896. 168 с.

MĖGINIMAS 1905 METAIS ĮVESTI BALTARUSIŲ KALBĄ KATALIKŲ BAŽNYČIOS PRIDĖTINĖSE PAMALDOSE (GARDINO GUBERNIJOS PAVYZDŽIU)

Vasilij V. Tabunov

S a n t r a u k a

Straipsnyje Gardino gubernijos pavyzdžiu analizuojami Rusijos imperijos civilinės administracijos veiksmai siekiant įvesti baltarusių kalbą Katalikų Bažnyčios pridėtinėse pamaldose. Vienas svarbiausių Peterburgo politikos uždavinių baltarusių žemėse buvo sustiprinti stačiatikybės pozicijas ir susilpninti katalikybės įtaką. Spręsti šį uždavinį turėjo padėti ir „vietinės tarmės“ įvedimas pridėtinėse Katalikų Bažnyčios pamaldose. Kruopščiai išanalizavus šioje sferoje susiklosčiusių padėčių ir atsižvelgiant į tai, kad katalikų tikėjimą išpažįstančių

gyventojų sąmonėje lenkų kalba buvo suvokiama kaip neatsiejama priklausomybės Bažnyčiai ir lenkų tautai dalis, aiškėja, jog bet kokie veiksmai, siekiant dezintegruoti šią vienvę, sukeldavo itin aktyvų tikinčiųjų ir dvasininkijos trukdymą. Būgštaudama vykstant 1905–1907 m. socialiniams sukrėtimams pažeisti nusistovėjusį *status quo* ir kartu šiame krašte dar labiau paaštrinti vidaus politinę padėtį, valdžia buvo linkusi verčiau atidėti vėlesniems laikams baltarusių kalbos įvedimo katalikų pridėtinėse pamaldose klausimo sprendimą.

AN ATTEMPT OF INTRODUCING THE BELARUSIAN LANGUAGE INTO PUBLIC LITURGY OF THE CATHOLIC CHURCH IN 1905 (ON THE EXAMPLE OF THE GRODNO PROVINCE)

Vasilij V. Tabunov

S u m m a r y

In this article, the actions of the Russian Empire civil authorities concerning the introduction of the Belarusian language into public liturgy service of the Catholic Church on an example of the Grodno province are analyzed. One of the main Petersburg policy objectives on the Belarusian lands was the strengthening of Orthodoxy positions and weakening the influence of Catholicism. The introduction of the “local dialect” into the public liturgy of the Catholic Church service had also to assist in attaining this objective. Having carefully examined the situation in this area and considering that in the consciousness

of the population professing Catholicism the Polish language was perceived as an integral part of belonging to the church and the Polish people, it had been thought that any action directed at the disintegration of this unity would cause an active obstruction from believers and clergy. Being concerned, in the conditions of social shocks of 1905–1907, to break the established *status quo* and thus to aggravate the internal political situation in the edge, the authorities considered it best to postpone the question of the Belarusian language introduction into public liturgy of the Catholic church service.

Įteikta 2012 05 02

Parengta skelbti 2012 10 08

Получено 2012 05 02

Подготовлено к печати 2012 10 08